

12. 1000 English Proverbs and Sayings [Electronic resource]. — UL.to, 2008. — Mode of access: <http://ebookbrowse.com/1000-english-proverbs-and-sayings-tmp4e87b130-pdf-d168698681>. — Date of access: 7.06.2013.

Анна Квачек (Минск)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ Ж.-М. Г. ЛЕКЛЕЗИО «ПУСТЫНЯ»

Французское национальное сознание имеет синтетическую природу. Это определило символическую многоплановость пространственных образов Ж.-М. Г. Леклезии, например, образ Пустыни, в которой обитают кочевые племена. Как известно, выходцы из стран Магриба (Северная Африка: Алжир, Тунис и Марокко) считаются полноправными гражданами Французской Республики, хотя и представляют менталитет. Ряд мусульманских революций произошёл только после того, как ливанский лидер Муаммар Каддафи заявил в 1979 г., что Сунны важнее Корана.

События, изложенные в романе Ж.-М. Г. Леклезии «Пустыня», начались зимой 1909 г. в Марокко с высадки французов на побережье Северной Африки. Поскольку берберы не признавали никаких мирных соглашений, Франция приступила к военным действиям. В марте 1912 г. после окончательного поражения арабов была подписана Фезская конвенция, утвердившая протекторат Франции над Марокко. В романе караван идёт в Агажир под предводительством шейха.

Само название романа «Пустыня» уже говорит о том, что автор ищет новые пути в литературном творчестве. В названии нет не только артикля (в произведениях классической литературы с названиями в виде имен нарицательных он присутствует («Жизнь» Мопассана — это не *c'est la vie*, такова вся наша жизнь, а «*Une vie*», жизнь одной женщины), но и эпитетов, а ведь слово многозначно. Это и пустыня в прямом смысле, и в переносном, как современный город, где нет духовной жизни. Иными словами, название произведения не очерчивает наш «горизонт ожидания» (Х. Р. Жосс).

В каждой нечетной главе романа описывается монотонное движение каравана с добавлением некоторых деталей — обрядов, песен, молитв. Эти повторы на композиционном уровне также отражают монотонное движение. Вспомним, что Коран, имеющий ветхозаветное происхождение, написан своеобразным ритмизованным языком. Ритмически организованная проза выполняла не только эстетические, но и благодаря легкости запоминания дидактические задачи. Использование Ж.-М. Г. Леклезии настоящего и будущего времени способствовало созданию притчевой формы романа. Древнеарабское стихосложение было основано на определенном количестве слогов и ударений, как в современном французском языке, что позволило Ж.-М. Г. Леклезии создать тот или иной ритмический рисунок. Как средство упорядочения нерифмованного языка в романе используются синтаксический параллелизм, и в том числе хиазм как его вариант.

Структура романа обозначена графически. Главы о кочевниках набраны в другом формате, что зрительно «подчеркивает независимость двух сюжетов». С одной стороны, это история пустынных кочевников, окончательно побежденных (судьба народа), с другой — история девушки, попавшей из восточного мира в упорядоченный французский город (индивидуальная судьба). Все они — и Лалла, и кочевники — возвращаются в Пустыню.

С первых строк страдание неотделимо от странствия по пустыне. К нравственным страданиям кочевников добавляются физические, так как они не знают, куда идти. При этом лексические поля, служащие для описания людей и животных, переплетаются, как будто они поддерживают друг друга. Жизненные условия бедуинов чудовищны: им тяжело просто передвигаться. Можно сказать, что пространство пустыни настроено враждебно к взрослым и детям, даже к животным. Ж.-М. Г. Леклезлио использует синтаксическую фигуру *паратакс* (нагромождение однородных членов через запятую, в данном случае глаголов с семой *агрессивный контакт* «*fuyait*», «*fouettait*»), показывая, что все физические препятствия можно преодолеть. Несмотря на то, что идут они с трудом, падают, умирают, их движение происходит вертикально. Они преодолевают страдания и возвышаются.

Рассказчик описывает не только географическое путешествие, этот путь в некотором смысле экзистенциальный. Он наводит читателя на мысль о метафорическом прочтении, в том числе при помощи многочисленных союзов («*comme si*»), вводящих сравнение: «*C'était comme s'ils cheminaient sur des traces invisibles qui les conduisaient vers l'autre bout de la solitude, vers la nuit*». Эти следы нельзя увидеть, но можно догадаться, что они ведут в другую реальность, другое измерение. Кочевники похожи на зомби или призраков: «*Ils étaient apparus, comme dans un rêve, en haut d'une dune, comme s'ils étaient nés du ciel sans nuages, et qu'ils avaient dans leurs membres la dureté de l'espace*».

Описание построено кинематографически, мы находимся в роли зрителей и видим, как караван медленно приближается к нам. Сначала мы видим Пустыню, и вдруг караван возникает «из ниоткуда». Ж.-М. Г. Леклезлио интересовался кинематографией и даже написал предисловие к книге «Каннский фестиваль: 40 лет». В романе перед нами сначала неподвижный кадр, потом картинка постепенно укрупняется, рассказчик добавляет в описание все более мелкие детали — синие плащи, а потом татуировки на лбу, черные глаза. Съемка также производится сбоку, мы видим, в каком порядке идут в караване мужчины, женщины, дети и животные.

Чтобы пустыня могла считаться таковой, в ней не должно быть ничего. Рассказчик описывает кочевников так, что становится ясно: у них нет вообще никаких вещей, кроме синих плащей, больше похожих на лохмотья. На всех было одно ружье («*Un seul d'entre eux portait un fusil*»), и это единственный предмет, на который обращает наше внимание рассказчик. Кочевники не нуждались в материальном. Пустыня и город в романе противопоставлены по признаку пустоты и полноты.

Нищета племени в буквальном смысле контрастирует с богатством их внутреннего мира, в котором был весь мир, вся Пустыня: «*le silence dur où luit*

le soleil, les nuits froides, la lueur de la Voie lactée, la lune; ils avaient avec eux leur ombre géante au coucher du soleil, les vagues de sable vierge que leurs orteils écartés touchaient, l'horizon inaccessible». Именно в этом абзаце мы впервые встречаем глагол «иметь», но в значении, противоположном тому, которое в ходу у европейцев и часто им недоступно. Благодаря такому употреблению глагола становится ясно, что «иметь» для них означает способ существования, означает «быть» частью Пустыни.

Они уже настолько сроднились с окружающим пространством, что научились молчать сутки напролет и даже поменяли цвет лица: *«et leur peau sombre avait pris le reflet de l'indigo, sur leurs joues, sur leurs bras, le long de leurs jambes»*. В то же время Пустыня превратила их загрубевшую от солнца и ветра кожу во что-то вроде скорлупы, которая защищает от внешнего воздействия и помогает узнавать сородичей. Однако сквозь этот панцирь проникает свет, исходящий от кочевников: *«Ils avaient surtout la lumière de leur regard»* и образующий одно из ключевых лексико-семантических полей романа.

Свет можно интерпретировать также и в переносном смысле, т. е. кочевники святые по праву рождения, их породила сама Пустыня, и они настолько тесно связаны с окружающим их пространством, что не имеют своей отдельной жизни. Примечательно использование в этой части произведения в качестве подлежащего безличного местоимения «on». Здесь очевидно, что оно, находясь в постпозиции по отношению к обстоятельствам времени и места, определяющим условия жизни кочевников, стирает семантическую границу между природными явлениями и человеком и в то же время показывает, насколько окружающее пространство формирует человека. Можно сказать, что между телом человек и окружающими предметами устанавливается своеобразное равенство: окружающее пространство как бы впитывает и поглощает человека, но и человек тоже наполняется этим пространством.

Последние страницы истории племени напоминают многоголосую симфонию из чередования песен и тишины, движения и покоя, танца и молитвы. Читатель слушает вместе с кочевниками мелодию тишины, музыку звездной пустынной ночи и чувствует приближение страдания и смерти: *«La nuit du désert était pleine de ces feux qui palpitaient doucement, tandis que le vent passait et repassait comme un souffle ... Puis ils écoutaient la nuit»*.

Каждый новый абзац этой части романа начинается с анафорического повтора местоимения «они», что на уровне синтаксиса воспроизводит мерную поступь каравана, а в последнем абзаце повествователь решает уточнить: *«Ils étaient les hommes et les femmes du sable, du vent, de la lumière, de la nuit»*. Выкрик «Ноиwa!» («Он!») повторяется во время молитвы бедуинами, а потом и героиней второй части романа Лаллой, когда она увидела, что у нее родился мальчик, который продолжит род. Понятно, что на свет появился потомок кочевников.

В этой части романа никто не произносит ни слова: нет ни диалогов, ни прямой, ни косвенной речи. С бытовой точки зрения это объяснимо: на ветру особо не поговоришь, так как трескаются губы, болит горло и хочется пить. Кроме того, ветер уносит слова. Но когда приходит время молитвы, шейх долго

говорит, глядя в небо. Для кочевников слова важны только если это не пустая болтовня, только если они наполнены важным смыслом.

Мы на языковом, стилистическом уровне наблюдаем парадоксальное отношение Ж.-М. Г. Леклезьо к Слову: при том что слово — хлеб писателя, автор возносит хвалу тишине, молчанию. В отличие от новороманистов, своих учителей и предшественников, понимавших, что в некотором смысле литературные приемы себя исчерпали, Ж.-М. Г. Леклезьо не ограничивается экспериментами на формальном уровне (как поступил предыдущий французский Нобелевский лауреат Клод Симон). Он создает гигантскую метафору (Пустыня как искренность, правдивость языка и ремесла писателя), обогащает и возрождает жанр, который из-за новороманных опытов стал недоступным человеку без филологического образования. Можно сказать, что Новый роман развинтил структуру повествования, а Ж.-М. Г. Леклезьо заново его собрал, рассказав нам историю, в которой герои доступно и выразительно молчат о самом главном. Собственно, об этом он говорит в Нобелевской речи 2008 г.: «Писатель уже не верит, как раньше, что может изменить мир, что своими романами он его улучшит. Он просто его свидетель».

Литература

1. Le Clézio, J.-M.G. Désert / J.-M.G. Le Clézio. — P.: Gallimard, 1980. — 439 p.

Кацярына Любецкая (Мінск)

АБ ЗМЕНАХ У БЕЛАРУСКАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

Паколькі да пачатку ХХ ст. задача фарміравання і кадыфікацыі беларускай тэрміналогіі не ставілася, калі не лічыць слоўнікі-даведнікі для чытання старабеларускіх юрыдычных актаў, якія, аднак, мелі спецыяльную і абмежаваную функцыю, то асаблівую ўвагу прыцягваюць першыя спробы стварэння, апрацоўкі і кадыфікацыі тэрмінаў сучаснай беларускай мовы. На пачатку стагоддзя пры нязначнай колькасці слоўнікаў і абмежаванасці іх аб'ёму, падрыхтоўка перакладных даведнікаў стымулявала ўпарадкаванне лексічнага матэрыялу беларускай мовы. Зразумела, не ўсе прапановы тых часоў мелі аднолькавы лёс у беларускай мове.

Ядро ўсіх тэрмінагалін лексікона складалі пераважна *агульнаўжывальныя* словы. Пашырыліся ў навуковай мове найперш тыя добра вядомыя і шырока ўжывальныя ў штодзённым жыцці, упарадкаваныя пераважна за кошт уласных моўных рэсурсаў наменклатурныя назвы, якія сфарміраваліся на ўласнай глебе або на базе мясцовых моўных сродкаў шляхам спецыялізацыі значэнняў. Такія ўтварэнні адпавядалі асноўным заканамернасцям развіцця лексікі агульнанароднай мовы, вызначаліся дакладнасцю, правільна арыентавалі на адпаведнае паняцце, а таму і замацаваліся ў сістэме беларускай мовы. Роля агульнаўжывальных слоў як крыніцы развіцця асобных тэрмінагалін асабліва адчувальная ў батанічнай і заалагічнай галінах, пераважна ў наменклатур-